

RU

Головной убор как элемент лингвокультурного кода нации (на материале русского и чувашского языков)

Борисова Л. В., Григорьева Е. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей репрезентации «одежного» кода в русской и чувашской лингвокультурах путем сопоставительного семантического анализа русских и чувашских лексем и фразеологических оборотов, составляющих лексико-семантическую группу «головные уборы». В рамках данной группы были проанализированы лексемы «шапка» (чув. çĕлĕк), «шляпа» (чув. шлепке), «колпак» (чув. калпак), «платок» (чув. тутăр). Отдельно рассмотрен интерпретационный потенциал лексем, называющих традиционно чувашские головные уборы (тухъя, хушпу). Научная новизна исследования состоит в том, что в нем в результате семантического анализа языкового материала выявлены как универсальные черты языковой реализации головных уборов, так и национально-специфические особенности, обусловленные различием русской и чувашской культур. В результате исследования было установлено, что головные уборы, занимая важнейшее место в материальной культуре русского и чувашского народов, играют решающую роль в передаче национально обусловленных культурных смыслов и представлений. Эмоционально-оценочная интерпретация рассмотренных лексем определяется аксиологическими установками народов и получает различное метафорическое наполнение в рамках исследуемых лингвокультур.

EN

Headwear as an element of a nation's linguistic and cultural code: a study of Russian and Chuvash languages

L. V. Borisova, E. A. Grigorieva

Abstract. This study aims to identify the specific features of the representation of the "clothing" code in Russian and Chuvash linguistic cultures through a comparative semantic analysis of Russian and Chuvash lexemes and phraseological units belonging to the lexical-semantic group of "headwear." Within this group, the lexemes "шапка" (Chuvash: çĕлĕк), "шляпа" (Chuvash: шлепке), "колпак" (Chuvash: калпак), and "платок" (Chuvash: тутăр) were analyzed. The interpretative potential of lexemes denoting traditionally Chuvash headwear (tuh'ya, khushpu) was also examined separately. The scientific novelty of this research lies in the fact that, as a result of semantic analysis of linguistic material, both universal features of the linguistic realization of headwear and nationally-specific features, conditioned by the difference between Russian and Chuvash cultures, have been identified. The study established that headwear, occupying an important place in the material culture of the Russian and Chuvash peoples, plays a crucial role in transmitting nationally-conditioned cultural meanings and representations. The emotional and evaluative interpretation of the considered lexemes is determined by the axiological attitudes of the peoples and receives different metaphorical content within the framework of the linguistic cultures under investigation.

Введение

Современные лингвистические исследования направлены на изучение языка в тесной связи с человеком и его мышлением. Настоящая работа выполнена на стыке актуальных направлений антропоцентрического языкознания – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики – и посвящена реконструкции «одежного» кода в русской и чувашской лингвокультурах. Актуальность работы обусловлена ее вхождением в круг семантических исследований языка и обращенностью к анализу национально-культурной специфики языковой категоризации мира. В связи с тем, что лексические единицы, называющие головные уборы, обладают широкими репрезентативными возможностями, характеризуются богатством ассоциативных связей и коннотативных характеристик, мы можем утверждать, что они являются важным элементом лингвокультурного кода нации и требуют незамедлительного изучения их семантического потенциала.

В соответствии с вышеуказанной целью нами были сформулированы следующие задачи: отобразить русские и чувашские языковые единицы, входящие в лексико-семантическую группу «головные уборы»; охарактеризовать понятийные, образные и аксиологические составляющие отобранных языковых единиц; описать национально-культурную специфику репрезентации рассматриваемых лексем.

Материалом для исследования послужили языковые примеры объемом около 500 единиц, извлеченные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 2000.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1-2.
- Русские песни / сост. проф. Ив. Н. Розанов. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952.
- Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз.; РАН, Ин-т лингв. исследований; под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Л. – СПб.: Наука, 1974-2016. Вып. 10, 13-17, 19-20, 22-25, 28, 31, 33-34, 38-41, 43-44, 46, 48-49.
- Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1989. Т. 1-2, 4.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского: в 2 т. / предисл., коммент. З. И. Власова. Л.: Наука, 1986. Т. 2.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008.
- Чăваш халăх сáмахлăхĕ: 6 т. / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978-1984. Т. 3. Юрăсем. Т. 4. Юрăсем. Т. 5. Вак жанрсем (Чувашское устное народное творчество: в 6 т. / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1978-1984. Т. 3. Песни. Т. 4. Песни. Т. 5. Пословицы).
- Чернов М. Ф. Чувашско-русский фразеологический словарь: глагольно-именные фразеологизмы. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1982.
- Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985.

Перевод всех чувашских примеров выполнен авторами данной статьи.

Теоретической основой исследования стали труды Н. Н. Болдырева (2014), З. Д. Поповой и И. А. Стерниной (2007), раскрывающие когнитивные аспекты изучения языковой категоризации мира; работы В. И. Карасика (2002), О. А. Корнилова (2003), Ю. С. Степанова (2004), посвященные проблемам лингвокультурологического освещения концептуализации действительности; труды М. Л. Ковшовой (2015), Н. В. Миловой (2009), Е. А. Сокур и И. В. Архиповой (2019), А. В. Тихомировой (2013), рассматривающие особенности репрезентации кластера «одежда» в аспекте русской языковой картины мира. Отметим также работы И. А. Кузьминовой и О. А. Фоминой (2023), М. Н. Трубаевой (2020), посвященные лингвокультурологическому изучению номинаций головных уборов.

Исследованию некоторых фрагментов языковой картины мира на материале русского и чувашского языков посвящены отдельные наши работы (Борисова, Иванова, Чуева, 2023; 2024).

Сбор языкового материала и семантический анализ отобранных языковых единиц предполагают использование таких методов, как метод сплошной выборки языковых примеров, анализ словарных дефиниций, метод концептуального и контекстологического анализа. Сопоставительное исследование семантики единиц, представляющих лексико-семантическую группу «головные уборы», предполагает использование сопоставительного метода.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения материалов в практике преподавания русского и чувашского языков, в разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и сравнительно-сопоставительного языкознания.

Обсуждение и результаты

Головные уборы занимают важнейшее место в материальной культуре любого народа. Являясь средством защиты головы от неблагоприятных воздействий окружающей среды и основой создания гармоничного образа человека, они играют решающую роль в передаче национально обусловленных культурных смыслов и представлений. Данное положение подтверждается развитием многочисленных переносных значений, ассоциативных связей, коннотативных характеристик лексем, называющих головные уборы. Культурная значимость данного элемента «одежного» кода обусловлена также и фигурированием наименований головных уборов в многочисленных жанрах устного народного творчества. Все это позволяет говорить о широких репрезентативных возможностях указанной лексико-семантической группы в пространстве этнической культуры.

Так, для русской и чувашской языковых картин мира характерно то, что основные названия головных уборов обладают гендерной отмеченностью. Шляпа (чув. *шлепке*) и шапка (чув. *çĕлĕк*), как правило, ассоциируются с представителями мужского пола, а платок (чув. *тутăр*) – с представительницами женского пола. Например: *У него кудри, как жар горят, / У него шапка, словно мак, цветет; Урампала маттур иртет-ске, тавăрма çĕлĕк тăхăнса.* / «По улице идет молодец, в шапку одет»; *Черну шляпу сокидал, / Да честь девице выдавал; Хамър ялсен ачисем / Хура шлепке тăхнассĕ.* / «Ребята из нашей деревни / Надевают черную шляпу»; *Девица краснеет и платочком пелится; Хура варлă тутăр, сенкер сÿсе, / Сыхайрасчĕ варри çĕтĕличчен.* / *Ай-хай тантăшсем, хамър тантăш, / Пурăнасчĕ ёмĕр иртиччен.* / «Любимый платок, голубая бахрома, / Носить бы его до тех пор, пока не износится. / Ай-ай, подруги, наши подруги, / Жить бы нам до конца жизни». Гендерно маркированными в русском языке являются и такие лексемы, как *фуражка / картуз, малахай: Сгноил Ваня картузик, / Под каплями стоючи, / Капелюшки капали, / По ним девки плакали.*

Культурная семантика слов *шапка* (чув. *çĕлĕк*), *шляпа* (чув. *шлепка*), *фуражка/картуз* (чув. *картус*) в русском и чувашском языках осложняется концептуальным значением щегольства. Сравните: *Дома – щи без круп; в людях – шапка в рубль; В брюхе солома, а шапка с заломом* ‘о людях, любящих щеголять’; *Пронеси шляпу на ухе* ‘Влад. пройтись щеголем’; *Тилĕ çĕлĕк – пуç кўрнек; / Тилĕ çĕлĕк ўксессĕн, / Шўте кайĕ пуç кўрнек.* / «Лисья шапка – краса для головы; / Если лисья шапка спадет, / Красота обернется шуткой». Особенно ярко концептуальное значение щегольства проявляется в сочетании указанных слов с наречием *набекрень*: *Заломлю набекрень шапку бархатну; / Загужу, забренчу в гусли звонкие; / Побегу, полечу к красным девушкам; Форсный какой, фуражка набекрень; Иттат темесен, / Карттус чалйш лартмасан, / Хёрсем куçран пăхас сук.* / «Если не скажешь Ит-тат / Да картуз набекрень не наденешь, / Девушки в глаза не посмотрят»; *Тимешĕн те ачисем мĕншĕн хитре? – / Çĕлĕкене чалйш лартнăран.* / «Наши парни почему красивые? – / Потому что шапки набекрень носят».

И в русском, и в чувашском языках находит закономерное отражение общепринятая традиция снимать шапку в знак уважительного отношения к собеседнику. Так, известны русские и чувашские устойчивые выражения *снимать (снять) шапку* ‘почтительно приветствовать кого-л., сняв в знак уважения головной убор’; *шапки долой* ‘устар. низко кланяться, приветствуя именитого человека, сняв головной убор’; *ломить шапку* ‘кланяться, раскланиваться, сняв головной убор’; *не кривить шапки* ‘не снимать при встрече, в знак уважения, шапки’; *шапки не заламает* ‘о том, кто слишком горд и не всякому поклонится’; *çĕлĕк ил (хыв)* ‘снять шапку в знак уважения’. Сравните также: *Демьян не в его лусу, и тот всем шапку снимает; Такой учливый, стрешному и поперешному кланяется, а другой ему и шапку не ломит; По улице идешь, хоть не надевай шапки* (о большом количестве начальников у казенных крестьян); *Ватта курсан çĕлĕк ил.* / «Увидишь старого человека – сними шапку»; *Ваттисен сăмахне çĕлĕке пуç айне хурса итлеме каланă, теççĕ.* / «Когда разговаривают пожилые люди, надо снять шапку». Это же значение заключено и в русском производном слове *пошапковаться* ‘Урал. поздороваться, приподнять друг перед другом шапку’: *Встретились, чинно пошапковались.*

Отметим, что в русской культуре семантика устойчивого сочетания *снять шапку* осложняется и имеет добавочное значение – ‘подвергнуть кого-л. позору’: *Снять с кого шапку (а с женщины платок); С него шапки не сымешь. С него взятки гладки.* Кроме того, только русской лингвокультуре свойственно соотношение шапки с ценным, крайне необходимым для каждого человека предметом. Сравните русские пословицы: *Без рубля как без шапки; Без жены как без шапки.*

Как в русской, так и в чувашской языковых картинах мира находит отражение концептуальная оппозиция «шапка – голова» (чув. «çĕлĕк – пуç»), где шапка ассоциируется с чем-то незначительным, мелочным, пустяковым, в то время как голова – с чем-то главным, необходимым, жизненно важным. Сравните: *Голову сняли, да шапку вынес; Цела ль голова, а шапку бог даст; Пуçĕ пулсан, çĕлĕкĕ пулат.* / «Если голова будет, и шапка будет».

Только в чувашской культуре с шапкой (чув. *çĕлĕк*) соотносится мотив быстротечности времени. Сравните строки из чувашских народных песен: *Ĕнтĕ çĕр çаврăнать, çĕр çаврăнать, ман пуçăмри çаврака çĕлĕк нек.* / «Земля крутится, земля крутится, как на моей голове шапка»; *Ĕнтĕ пĕлĕт юхат, пĕлĕт юхат, / Ман пуçăмри çавра çĕлĕк нек.* / *Ĕнтĕ ĕмĕр иртет, ĕмĕр иртет, / Сывăрмасăр курнă тĕлĕк нек.* / «Плывет небо, плывет небо, / Как на моей голове шапка. / Годы проходят, годы проходят, / Как сон без сна». Отметим также, что только для чувашского языка характерна ассоциация колпака (чув. *калпак*) с человеком, которому сопутствует удача и счастье на протяжении всей жизни: *Ача калпакна суралат, кĕпелĕ те суралат.* / «Ребенок рождается в колпаке и рубашке».

В русской языковой картине мира наименования головных уборов могут проецироваться на различные действия и состояния. В этой связи отметим целый ряд устойчивых сочетаний с лексемами **шапка**: *набавить в шапку* ‘Пск., Твер. побить, поколотить кого-л.’; *накласть в шапку* ‘Новг. побить кого-л.; причинить неприятности кому-л.’; *насорить в шапку* ‘Пск., Твер. побить кого-л.’; *надеть шапку* ‘Новг., Пск. пристыдив, заставить кого-л. замолчать’; *одевать глухую шапку* ‘Ворон. отказываться слушать’; *спать под шапкой* ‘Яросл. много работать’; *хоть шапку объезь* ‘оказаться в отчаянном положении’; **шляпа**: *дело в шляпе* ‘успешно завершить какое-л. дело’; **колпак**: *держат под (стеклянным) колпаком* ‘тщательно оберегать от внешних воздействий, от любых трудностей’; *быть (оказаться) под колпаком* ‘испытывать на себе чье-л. назойливое внимание’; *надавать колпаков* ‘Вытегор. Олон. побить кого-л.’.

Кроме того, в русском языке обнаруживается широкое развитие деривационно-семантического пространства словообразовательных гнезд с исходными словами, называющими головные уборы. Отметим следующие именные и глагольные дериваты с вершинами **шапка**: *подшапочник* ‘Пск. близкий друг или брат’, *шапочный* (знакомый) ‘неблизкий друг, случайный знакомый’; **шляпа**: *прошляпиться* ‘Свердл. прозевать’, *расшляпиться* ‘Влад. сильно опьянеть’, *силяпить* ‘совершить опрометчивый поступок’; **колпак**: *колпачить* ‘прост. дурачить, обманывать кого-л.’, *колпачнуть* ‘Перм. ударить, стукнуть по голове’, *сколпачить* ‘Яросл. сделать что-л. на скорую руку, кое-как’.

Развив переносные значения, лексемы *колпак*, *шляпа*, *шапка* в русском языке также стали ассоциироваться с людьми, обладающими теми или иными нравственными качествами, чертами характера или имеющими отличительные признаки во внешности. Например: *колпак* ‘прост. о простодушном, недалекоем человеке’, *отпетый, колпак надетый* ‘Амур. о легкомысленном человеке’; *аршин с шапкой* ‘разг. шутол. о человеке маленького роста’, *хоть телешом, да в шапке молодцом* ‘Ряз., Тамб. о человеке с красивым телосложением’; *шляпа* ‘о вялом, неэнергичном ненаходчивом человеке’, *расшляпа* ‘Иван. разиня, неряха’.

Отдельного рассмотрения требуют традиционно женские головные уборы. Платок (чув. *тутăр*) и в русской, и в чувашской культурах представляет собой ценную, желанную многими девушками и женщинами вещь. Именно платок чаще всего упоминается в качестве подарка, который ждали женщины от мужчин.

Подтверждение этому находим в русских и чувашских народных песнях: *Тебя женят, меня замуж отдадут. / Поезжай же, мил, дорожкой столбовой, / Завози ж ты мне подарок дорогой – / Подарочек – гарнитуровый платок; Здравствуй, девка, / Здравствуй, красна, / Здравствуй, душенька моя! / Я недаром же пришел, / Я подарочек принес, / Подарочек дорогой – / Славный шалевоу платок; Хёрпе ача хушшинче / Шур пёремёк – закуска, / Пурсён тутарё – парне. / «Между девушкой и парнем / Белый пряник – закуска, / Шелковый платок – подарок».*

В чувашской культуре, кроме того, наблюдается зависимость материального достатка от типа платка, который носила женщина. Как правило, наличие шелкового платка являлось показателем высокого материального достатка семьи, а ношение льняного платка, напротив, ассоциировалось с нищетой, бедностью, плохой жизнью: *Йётён тутар сыхакан пурте сук сын хёрё мар. / «Девушки, надевающие льняные платки, не все бедные»; Пурсён тутар Альтюк пур; / Сичёюта кайсассан, / Йётён тутар пулё-ха. / «У Альдюк есть шелковый платок; / Если пойдет в дом жениха, / Шелковый платок станет льняным».*

Устойчивое сочетание *покрыть платком* в русском языке имеет значение 'выйти замуж'. Связано это с тем, что традиционно невесту повязывают платком в знак посвящения ее в замужнюю женщину: *Батюшка Покров, покрой землю снежком, меня молоду платком (женишником)*. То же значение заключено и в сочетании *покрыть кокошником*: *Покров пресвятая Богородица! Покрой мою победную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльничком*.

Традиционными чувашскими головными уборами женщин считаются *тухья* и *хушпу*, украшенные серебряными монетами и бисером, и *сурбан* (чув. *сурпан*), головная повязка в форме узкого полотенца с вышитыми концами. Тухью носили девушки, а хушпу и сурбан – замужние женщины. У чувашей существовал древний свадебный обычай, когда невесте сначала снимали тухью, далее из сурбана делали *хасмак* (головную повязку невесты) и одевали на хушпу. В связи с этим переодевание девушки из тухьи в сурбан и хушпу в чувашской культуре актуализирует мотив сожаления по поводу уходящей юности: *Пёрахмастён тухьяна, / Тэхёнмастён хушпуна: / Тухьяпала хёр тецсё, / Хушпуна арём тецсё. / «Не брошу тухью, / Не надену хушпу: / В тухье девушкой зовут, / В хушпу женой зовут»; Лараканнисен хушшинче / Пёрин кусё хуйхалля. / Сурпан сырәннэран мар-ши сав? / Сурпан сырәнни хуйхалля – / Хёр шутёнчен уйрәлнә. / «Сидят девушки, / У одной печальный вид. / Не из-за того ли, что она в сурбане? / Сурбан печаль приносит – / Девушка юность теряет».*

Мотив прощания с беззаботной молодостью, родным домом актуализирует и чувашская лексема *пёркенчёк* (рус. свадебная фата, досл. покрывало): *Шәнкәр-шәнкәр шыв юхатъ / Хмәшпа хях хушшинче; / Хёр ёмёрё ир-тет-ске / Шур пёркенчёк айёнче. / «Вода течет / Между камышом и осокой; / Жизнь девушки проходит / Под белым покрывалом (фатой)».*

Отметим, что и в русской, и чувашской культурах большое внимание уделяется цвету головного убора. В связи с тем, что символически *черный* ассоциируется с чем-то неприятным, печальным, траурным, то и ношение головного убора данного цвета в обеих культурах может символизировать несчастье. Например: *Черной шляпой принакрылся, / Горючими слезами облился; Мне милой-то говорил, / Мне милой-то наказывал: / Если кончится любовь, / В черный плат оповязаться; Ой, ача, чун савни / Хура тутар илсе пачё / Хурланайса сьреме. / «Ой, милый друг / Купил черный платок, / Чтобы ходила и печалилась».*

Символика головного убора белого цвета в русской и чувашской языковых картинах мира резко различается. Если для русского народа ношение белого головного убора соотносится со смертью, то для чувашского народа, напротив, – с счастливой, долгой и богатой жизнью. Сравните: *Тяп-тяпком под белым платком 'о смерти'; Шурә калпак ярати пыл сунче, пуян хёрё-ывәлэ тум сунче. / «Бахрома белого колпака в меду, дети богатых людей в красивой одежде».*

Культурно отмеченными в русском языке являются и сочетания наименований головных уборов с прилагательным *красный*. Красный колпак или шапка в сознании русского народа, как правило, ассоциируются со скоморохами, шутами: *В красной шапке узнаешь дурака; Тот же шут, да в красной шапке; Коли барский дурак, так и красный колпак 'о людях, которые ведут себя глупо, несерьезно'.* Отметим и устойчивое сочетание *угодить под красную шапку* в значении 'попасть в рекруты, в солдаты': *Отдали под красную шапку. Лоб забрили. Отдали под барабан*.

Подводя итоги, следует заключить, что головные уборы занимают важное место в русской и чувашской лингвокультурах. Данный факт подтверждается тем, что лексем, называющие головные уборы, получают в сравниваемых языках богатое языковое выражение, характеризуются наличием многочисленных переносных значений, ассоциативных связей и оценочно-эмоциональных характеристик.

Заключение

В результате анализа языкового материала выяснилось, что основные наименования головных уборов и в русской, и в чувашской языковых картинах мира обладают гендерной отмеченностью. Кроме того, в обоих культурах семантика лексем, называющих мужские головные уборы (шляпа, шапка, фуражка/картуз), осложняется концептуальным значением щегольства. Также в сравниваемых языках находит яркое выражение концептуальная оппозиция «шапка – голова».

В ходе исследования были выявлены и некоторые национально-культурные особенности языковой репрезентации головных уборов. Так, только для русской языковой картины мира характерно соотношение названий головных уборов с людьми, обладающими теми или иными нравственными качествами, чертами характера или имеющими отличительные признаки во внешности. Также только русскому языку свойственно проецировать наименования головных уборов на различные действия и состояния (наиболее частотное значение, заключенное в семантике устойчивых сочетаний, – 'побить, причинить неприятности кому-л.').

Одна из ярких национально-культурных особенностей чувашской языковой картины мира – соотношение шапки (чув. *çĕлĕк*) с мотивом быстротечности времени. Кроме того, только в чувашской культуре наблюдается зависимость материального достатка от материала, из которого бы сшил платок. Отметим также, что в чувашском фольклоре одним из ярких мотивов, связанных с женскими головными уборами (тухъя, хушпу, пёркенчĕк), является мотив прощания с юностью.

Перспективы исследования проблемы видятся в выявлении и дальнейшем сопоставительном описании особенностей репрезентации «одежного» кода в аспекте различных культур.

Источники | References

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «ТГУ им. Г. Р. Державина», 2014.
2. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Концептуальная оппозиция «правда – ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20240358>
3. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Репрезентация кластера «одежда» в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-2-92-100>
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
7. Кузьмина И. А., Фомина О. А. Лингвокультурологический аспект изучения номинаций головных уборов // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98. № 3. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-72-76>
8. Милова Н. В. Семантическое поле «костюм» в культурологическом пространстве русского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
10. Сокур Е. А., Архипова И. В. Особенности лингвокультурного концепта «одежда» в русском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (247).
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
12. Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2013.
13. Трубаева М. Н. Названия женских головных уборов // Поливановские чтения. 2020. № 14.

Информация об авторах | Author information

Борисова Людмила Валентиновна¹, д. филол. н., доц.
Григорьева Евгения Андрияновна²

^{1,2} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Lyudmila Valentinovna Borisova¹, Dr
Evgeniya Andriyanovna Grigorieva²

^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ ljudmila-borisova@yandex.ru, ² zhenya24.98@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.02.2025; опубликовано online (published online): 17.03.2025.

Ключевые слова (keywords): головной убор; лингвокультурный код; национально-культурные особенности; репрезентация «одежного» кода; языковая картина мира; headwear; linguocultural code; national-cultural peculiarities; representation of the "clothing" code; linguistic worldview.